

АСПЕКТЫ ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОТЕСТАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ

ASPECTS OF THE LINGVORITORICAL ANALYSIS OF PROTESTANT SERMON

M. Zuev

Annotation

A review of some aspects of religious Evangelical (Protestant) discourse, their characteristics, and strategies of administration as in the temple, and outside of the church instructions. Considered "linguateca of intertext" as the main intellect orientation interpretation–preaching discourse. The special attention is paid to the desire for receiving the limiting material benefit from reading the Bible for the fortunate result of many tasks in everyday life. The important component of the derivative of the explication of the biblical text is borrowing systematization of the preacher's words at the micro and macro levels.

Keywords: religious discourse; language policy; sermon; confession-alization; linguatēca.

Зуев Михаил Борисович

К.филол.н., доцент,

ФГБОУ ВО Сочинский

государственный университет

Аннотация

Выполнен обзор определенных аспектов религиозного проповеднического (протестантского) дискурса, их признаки и стратегии отправления как храмового, так и внехрамового наставлений. Рассматривается "лингвориторика интертекста" в качестве главной речемыслительной ориентации толковательно–проповеднического дискурса. Особое внимание уделяется желанию получить предельный материальный доход из прочтения Библии для удачливого результата многих задач будничной жизни. Важной составляющей производной экспликации текста становятся библейские заимствования, систематизирующие слова проповедника на микро– и макроуровнях.

Ключевые слова:

Религиозный дискурс; речевая политика; проповедь; конфессиолизация; лингвориторика.

Построение стратегий большинства религиозных дискурсов определяется их целевой и жанровой направленностью. Основные задачи культурного проповеднического дискурса, которые имеют конечную цель – это приобщение человека к принятию и отправлению служения Божественному существу, – к ним также причисляются: получение божественной опоры; очищение духовного начала; дарование своим окружающим света истинной веры; призвание к покаянию; утверждение превалирования религии и достоинств конфессии; разъяснение положений культа как можно большему количеству людей; осознание через обрядовое отряжение особенности данной веры.

Методологический базис статьи составляют такие работы исследователей в сфере антропоцентрической лингвистики как (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, Ю.Н. и др.), теории текста и дискурса (М.М. Бахтин, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Р. Барт, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, В.Э. Демьянков, Ю. Кристева и др.); исследования феномена интертекстуальности и прецедентности (И.В. Арнольд, В.В. Красных, Н.А. Кузьмина, Г.Г. Слышкин, Н.А. Фатеева), религиозного дискурса (И.В. Бугаева, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, и др.), классической риторики и неориторики (Н.А. Безменова, А.К. Михальская, Ю.В. Рождественский, и др.), лингвориторической парадигмы (А.А. Ворожбитова).

Следовательно, выделяются определенные направления религиозного дискурса: разъясняющая и обрядовая, призывающая, утверждающаяся, молитвенная, исповедальная. [Карасик, 2002, с. 477] Исследователь А.Г. Салахова определяет следующее металингвистическое вербальное планирование духовного рассуждения, как объясняющая стратегия самоидентификации, оценка стратегии, стратегии призыва и фасцинации. [Салахова, 2008, с. 153–155] Рассмотрим их признаки.

Речевая стратегия самоидентификации в религиозном дискурсе, и в отправлении проповеди, имеет целью создание осмысления общего начала у единоверцев, а так же, крайне важно на противопоставлении первых от других. Аутентификация воспринимается как движение по определению самобытности уверовавших, как неповторимость, особенность верующих людей, их редкость от остальных, "чужеродных" религиозных общин. В проповеди "своими" представляются все члены данного религиозного сообщества, которые противопоставлены всем другим людям общности.

Направление речевой политики объяснения определяется как "последовательность намерений, сориентированных на информирование индивидуума, изложение ему воззрений и знаний о бытие". [Карасик, 2002, с. 477] В процедуре дефиниции осуществляется экстралингвисти-

ческая миссия общения. Экстралингвистика подразумевается как "язык "второй очереди", по позиции к которому обычный язык людей выступает как "язык-конструкт", т.е. как вопрос филологического анализа". [ЛЭС, 1990, с. 297] Задача коммуникаторов заключается в выявлении результативности речевого кода, который они используют при помощи метаязыковой функции, что, в свою очередь, применяется для разъяснения широким массам просвещающих лакун, несущих информацию о событиях в далеком прошлом, например, в период жизни Иисуса, или в интерпретации ситуационного образа действий потомков Адама, растолкованных в Ветхом Завете.

Политика речевого оценивания отображает общественный статус проповедника как представителя религии, т. е. называемого проводника чаяний людей к Богу, пастыря, доводящего основы религиозного вероучения до паствы. Стратегия опирается на праве служителя божьего оценивать события, обстоятельства и определять действующих лиц, о которых идет речь при общении с прихожанами, а также контролировать поступки самих верующих. В процессе осуществления оценивающей стратегии проповедь выступает в качестве главного сегмента в ходе конфессиолизации потребителей религиозного дискурса. Проповедь, осуществляемая как назидательная речь пастве генерирует восприятие действительности прихожан через религиозную аксиологию.

Речевая стратегия призывания используется для следующих целей проповеднических выступлений, которые заключается в побуждении верующих к покаянию и вере. Пастор не только разъясняет подтекст Священного Писания, но и призывает определять бытие верующих в соответствии с канонами христианского исповедования.

Фасцинация, как речевая стратегия, определяет проповедь как лауну, взывающую к эстетике и эмоциям реципиентов. Это одна из главных истопастей проповеднических высказываний. Увещевание продолжается через "эмоциональное заражение", инспирацию прихожанам конкретных принципов христианской религии. Наставление в вере обладает широкими возможностями гериархального влияния на сознание и мироощущение слушателей. При отправлении проповеди основное внимание проповедник придает подбору риторических методов увещевания, а так же использует весь спектр средств лингвистического выражения. Таким образом, суть направления политики фасцинации заключается в акцентированной эмоциональной суггестивности на слушателей.

Согласно предположениям исследователя А.Г. Салаховой, в процессе осуществления описанных выше стратегий религиозное нравоучение выступает синхронно и как жанр обиходного и основополагающего дискурса. Направление политики речевой фасцинации представляет проповедь в основном как стиль повседневного ди-

скурса. [Салахова, 2008, с. 153–155] Расхождения в отправлении религиозно-проповеднического жанра в соборной и внесоборной проповедях предопределены историей возникновения и процесса указанных видов разрядов. Исследователь Д.С. Лихачев замечает, что "жанр храмовой проповеди был "трансплантирован" на русскую религиозную почву из литератур Болгарии и Византии. Уже в XI в. появились оригинальные произведения русских книжников". [Лихачев, 1979, с. 357] Храмовая проповедь сегодня, несмотря на стремление к метаморфозам стиливого порядка, во многом сохранила черты традиций средневековья.

Можно определить следующие языковые качества соборной проповеди: употребление лексикона возвышенного стиля (в т. ч. библеизмов, архаизмов). Изучение соборных наставлений показывает их примитивизацию, бедное употребление тропов высокого жанра. Цель подобного примитивизма заключается в упрощении разъяснений для реципиентов основной трактовки библейских истин, в понижении степени наполненности самой проповеди, из-за провиденциализма менталитета паствы.

В отличие от храмового наставления, имеющего давние корни, образец внехрамового американского проповеднического рассуждения начал складываться в 70-е гг. XIX в. (вместе с возникновением в США самой организации "Свидетели Иеговы"). Дело в том, что существующая храмовая проповедь основана на средневековой традиции декламации проповеднических лакун (например, проповедование Отцов Русской Православной Церкви), то внехрамовая опирается на западную схему, т.е. проповедование отдельных идей американских служителей, с историей существования менее двух столетий. Например, на проведение внехрамовой проповеди претендуют светские руководители, не имеющие религиозного образования и не рукоположенные. Во внехрамовых проповеднических лакунах совместно с вышеуказанными стратегиями (как толкование Библии; прелюдия общения, сецессия из взаимосвязи, благоприятного налаживающего плана и др.) наблюдается политика и тактика конъюнктивных приемов. [Захаренкова, 2008, с. 153]

К характерным свойствам отправления внехрамовой проповеди относятся: частичное изменение лексики высокого жанра (за исключением библеизмов); ориентация на упрощенное толкование Библии, следовательно библейские реминисценции произносятся только на родном языке; наличие выразительного окрашенного тезауруса и специфически подготовленных речевых средств, к примеру, применение ироничного отношения к остальным, которые не одобряют направленность религиозных верований последователей секты; рефренное употребление слов и выражений с подтекстом совершения однозначного действия (организованная функциональность, благополучное урегулирование повседневных задач, приоб-

щение к конфессии, успех, нахождение новых сторонников и т. д.); преобладание слов "свершение" и "счастье".

Исследователь Л.П. Крысин отмечает, что для лакун протестантских проповедей свойственно рефренное применение следующих комплиментарных определений – прилагательных, таких как: Божье слово, Венец творения Божьего, Господь Всемогущий, Верховное существо и т. п.), а также надевание однородных моделей, приумножающих эксплицитное влияние изречения. [Крысин, 1996, с. 135–138] Подобные виды построений, сплачивают духовный стиль с официально–деловым, применяются как в соборных, так и в внехрамовых религиозных поучениях. Участники формирования аналогичного рассуждения миссионеры как тип языковых индивидов активизируются в коммуникации со значительным количеством людей, т.к. паства выступает в качестве представителей большей части социума. Исследователь В.И. Карасик считает: "... специфика религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы и пр. Конфликт... между тем, кто несет высшую истину, и тем, кто обеспечивает трансляцию и адаптацию этой истины, составляет сердцевину драматургического развития религии". [Карасик, 2002. с 318–330]

Филологом А.А. Ворожбитовой были аргументированы два типа идеоречецикла: "прозаический", т. е. ментально–интеллектуальный, при котором ступени "от мысли к слову" располагаются в "правильной" очереди; "поэтический", аффективно–эмоциональный, или "неправильный". Повседневные лакуны метафизического дискурса ориентирования на успех любого адепта структурно представляют из себя диспозитивно–инвентивную решетку с элокутивным материалом. В этой статье выдвигается на рассмотрение убеждающий и разъясняющий проповеднический дискурс третьего типа идеоречецикла – "толковательно–проповеднического".

Рассматривая церковное поучение как побочный религиозный стиль (толкование некоторого первичного сообщения), Н.Б. Мечковская определяет своеобразность коммуникативности в религиозной мифологической деятельности в "... процессе коммуникации, который инициируется в частности с наставлением людей". "По отношению к Слову Бога всякая проповедь – это текст "второго порядка", слово наставника по поводу слова Бога. Цель проповеди состоит в донесении смысла слова Бога до сознания людей. Такая передача смысла представляет собой ту или иную адаптацию первичного текста (слова Бога) к возможностям человеческого разума. Адаптация может состоять в полном или частичном переводе первичного текста на более понятный язык, при этом вторичный текст может быть и расширением исходного и, напротив, его сжатием (компрессией)" [Мечковская, 1998, с. 205].

Следствие адаптации сжатия лакуны связано с вторичным текстом, где присутствуют лишь основные значения. К средствам раскрытия изначального текста Библии в дальнейшем проповедническом дискурсе как производной трактовке священных текстов, относятся следующие: различного рода пояснения; рефрены тех или иных основных подтекстов; дополнение к тексту новой пафосно окантованных, агитирующих или зарождающих материалов в соотношении с требованиями проповеднического стиля, проектирующего энергичность производителя дискурса в желании увещевания своей паствы.

Рассуждая о видах дискурса в обрамлении какого–либо национально–социального объединения, исследователь В.В. Красных отмечает, что с ними соотносятся "реорганизации" предшествующего, несомненным образом "аккомодированные" сообразно с той областью, в которой он используется. [Красных, 1999, с. 352] Это означает, что границы религиозного дискурса меняются из–за национально–культурного направления общества в целом.

Западный дискурс проповедника определяет личность священника–ритора, вынужденного реагировать на чаяния общности верующих: сначала сообщать о божественном промысле доступными средствами, затем – убеждать паству в прикладном использовании Высшей воли. Исследователи В.А. Сухарев и М.В. Сухарев в своем издании "Психология народов и наций", показывают, что искусство убеждения относится к числу характерных национальных особенностей жителей Америки. "Американцы полагают, что любой, имеющий общественно значимые идеи, обязан мастерски их демонстрировать, причем так, чтобы ему поверили, пошли за ним, проголосовали за него". [Сухарев, 1997, с. 400] Какими средствами для воплощения образа воспользуется ритор, какие доводы станут приводить к профиту задуманной интерпретации священных лакун, зависит итоговая задача – оптимальное распространение количества адептов. Пафосная идея дискурсивно–текстообразующей стратегии основывается на коммуникативных тактиках современного американского проповеднического дискурса и определяет его характер: (создание идеальной группы/ формирование неприятия носителей отвергаемых идей, привлечение повседневного и/или околонуачного познания истины, обращение к "вечным ценностям", сообщение/ четкость, деперсонализацию/ персонализацию.

Направленный на получение практических эффектов, современный проповеднический американский дискурс для "выдвижения индивида на первый план мироздания с попытками его взять на себя функцию единоначального творца и управителя всем многообразием духовного и материального мира" [Лапухина, 2006, с. 42] базируется на восприятии отдельного человека как деятельной фигуры, креативным способом инверсии мыслительного и поведенческого образа поменять сам этос повседневно–

сти, защититься от жизненных провалов, болезней, и получить успешность, достаток и физическое здоровье, т.е. все то, что понимается под западным определением общественное признание. Такая доктрина призывает вернуть индивида современного общества, который как потерялся в поиске духовной радости, обратиться человека к религиозной возвышенности и к истинному триумфу. Ценность благодати предполагается как принадлежность к существованию, а так же ее перцепция. Безоблачная земная жизнь принимается одним только способным и верным порядком экзистенции индивидуума в мироздании, жизнь предопределяется как активное, деятельное, возвышенное и радостное бытие. Счастье и созидание, творчество являются истинными спутниками всеобщей радости – это основная экспликация людей как господствующего творения Господа на Земле в современном американском проповедническом рассуждении и понимается как основная функция человеческого бытия, как исключительный храм и уникальная религия–вера, служению которой необходимо подчинить собственную земную жизнь. Подобное суждение целиком отклоняет важность окружающего мира и социума для осознания и ощущения счастья. М.В. Лапухина подчеркивает, что "массовые прежние "рецепты" счастья, взятые из обнаруживаемых современных основ эзотерического толкования, эквивалентны народным знаниям, принятым обществом, убедительны в своей простоте, т.к. предписывают человеку направлять все свои силы и сосредоточить всю свою деятельность на градацию гармонии его внутренней сущности и на изменение окружающего мира. [Лапухина, 2006, с. 44]

Исследования, позволяющие такую ориентацию в постижении благоденствия, особенно многолики по средствам претворения, но тем не менее, они динамично вращаются в современной религиозной организации цивилизации, придерживаются основной дефиниции – направлять человека на стезю естественной, изначальной и достижимой благодати. Одними из известных российских и западных исследователей автору статьи представляются такие знатоки положительного изменения постижения, как Н. Правдина, В. Лермонтов, Джозеф Мерфи, Нил Доналд Уэлш, Сан–Лайт, Д. Чопра, Л. Хей, Ошо, соединяющие в своих дидактиках эзотерические познания и философию Востока. [Лапухина, 2006, с. 48]

В статье автор признает целостность доктрины благоденствия, которая определяется сочленением общих знаний эзотерики, основ восточных традиционных философий, современных достижений физико–математических наук в новейших технологиях и методиках, подтверждающих успех теории. По словам М.В. Лапухиной, понимание счастья отражаются в национально–этнических традициях, следовательно трактовать подобный феномен возможно единственно с пониманием установленной этнической культуры, познаний, структур ценностей и норм этики общества. Американская идея благополучия,

переработанная соответственно историко–культурной традиции, представляется как ""матрешка" бытия", которую создает сам индивид, увеличивая вокруг собственной сущности созидательную и положительную активность, которая соответственно правилам единого инфо–энергетического пространства Вселенной во много раз увеличивает общий вес счастья на Земле, таким образом создавая дискурс успеха, процветания, благоденствия и личных свершений. [Лапухина, 2006, с. 52]

Метафизическая сущность проповеднического дискурса, таким образом, заключается в утверждении сверхчувственных статутов и основах бытия, модифицируется в западном проповедническом дискурсе в направлении культурно–исторических норм и предопределяется эпицентром познающей личности. Под национально–ориентированной трансформацией формы проповеди, в контексте с инвентивно–диспозитивной базой и ее элокутивной нагрузкой, под референциями американского проповеднического дискурса, автор оценивает: ничем не стесненное истолкование (причем "интерпретация речи не менее созидательна, чем продуцирование речи") [Демьянков 2001, с. 309–323]; дислокация моральных правил для достижения установочных целей; лимитированная независимость в выборе приемов риторического воздействия.

Исследователь А.А. Ворожбитова обособляет три вида лингво–риторических (ЛР) преимуществ: этосные, логосные, пафосные. В соотношении с превалированием ЛР важности того или иного вида формируются жанры: художественно–поэтический; научно–деловой; проповеднический; публицистический; направленные на главенствующее побуждение этических, рациональных, эстетических речевых переживаний. Писание как интегрированное знаковое единство понимается в виде суперлингвориторической неразделимости, которая формируется полным комплексом лингвориторических ценностей различных групп и языковых жанров.

Лингвориторический подход к изучению текста определяет специфику разбираемого дискурса. Ввиду того, что для людей исповедующих христианство Божественное Слово – это главным образом тексты Священного Писания (в протестантизме в наибольшей степени), то самой ключевой характеристикой христианской проповеди можно назвать ее "укорененность" в библейских сюжетах, что соразмерно текстовому разряду интертекстуальности в ее наиболее эксплицитном и очевидном модусе. Осуществление вида интертекстуальности в лакуне проповеди совершается: путем воссоздания в тексте проповеди четкой библейской репрезентации, послужившей ее отправным пунктом; из–за воздействия на толкование проповеди всего блока библейских текстов.

В понимании лингвориторики интертекста автор статьи исходил из того, что интертекстуальность как обяза–

тельный признак креативной речемыслительной отправки индивидуума выступает в виде знака основных составляющих ее содержательных отличий. "Если раньше использование в дискурсе фразеологизмов, изречений, тропов и идиом, иносказательности, выдержек из Писания было главным образом делегировано на "декорирование" речи, то здесь это осознается как общественно-культурное явление, свидетельствующее парадигматические и синтагматические отношения использованного в тексте тропа, т.н. ее "распускание". [Костомаров, 2001, с. 58; Бурвикова, 2001, с. 58]

Употребление афоризмов, ссылок на религиозные догмы, наполнение проповеди выдержками из Евангелия дают референцию избытию ассоциативно-вербальной сети производителя словесного выражения как личности, владеющей силой языкового внушения, способному влиять построение картин мира других людей.

Исследование различных эпизодов других религиозных рассуждений и трансформаций создает референцию авторского этоса; определенной концепции применения компонентов интертекста в своем речевом создании, методы "встраивания" инородной лакуны в свой дискурс порождают логосную оригинальность идиодискурса; генерируемый при этом необычный языковой оттенок формирует своеобразный эстетический пафос.

План инвенции как смысл значения изложения обоз-

начается в значимости составляющих интертекста (аллюзии, реминисценции, заимствования и т.д.) определяют проблематику высказываний.

План диспозиции – диспозиция создания – происходит под воздействием интертекста на комбинацию конструкции высказывания (употребление в тексте эпизодов других лакун, письменных свидетельств, художественными героями произведений и т.д.

План элокуции, т.е. описания консультанта, в рамках интертекстуальности рассчитывает на моделирование нового жанра дискурса из-за многообразия интертекстуальных привнесений.

Таким образом, в статье определены подходы объяснения понятия лингвориторическая концепция, ключевым определением которого является смысл "лингвориторической парадигмы"; обозначено понимание соответствия "дискурс"/"текст"; реферирован религиозное единство как часть протестантского высказывания, аннексирующий значительный налет речемыслительной работы; показана исключительность протестантского американского дискурса; аргументировано понятие "дискурс успеха" касательно к протестантскому американскому проповедническому единству XX в.; на основании лингвориторического метода исследована тезисная структура, опирающаяся на нидус "лингвистика интертекста".

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиознотические) стратегии / В.З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – Москва, 2001. – С. 309–323.
2. Захаренкова О.С. Манипулятивные стратегии и тактики во внехрамовой проповеди (на материале проповеднических текстов старейшин организации "Свидетели Иеговы" в Красноярске / А.С. Захаренкова. – Access mode: http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0088714.pdf. – С.153.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена. – 2002. – С. 256–257.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена. – 2002. – С. 198–199.
5. Карасик В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. – 2002. – С. 318–330.
6. Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров [и др.] – Санкт-Петербург: Златоуст, 2001. – С. 58.
7. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография / В.В. Красных. – Москва: Диалог МГУ, 1999. – 352 с.
8. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка / Л.П. Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Виокур. Москва, 1996. – С. 135–138.
9. Лапухина М.В. Философия и культура XX века в представлениях о феномене счастья / М.В. Лапухина. – 2006. – Access mode: <http://www.culturology/journal/5/lapuhina2.htm>.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – Москва, 1979. – 357 с.
11. ЛЭС 1990. – С. 297.
12. Мечковская Н.Б. Язык и религия / Н.Б. Мечковская. – Москва: ФАИР, 1998. – С. 205.
13. Салахова А.Г. Современная религиозная проповедь как креолизованный речевой жанр / А.Г. Салахова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1/1. – С. 153–155.
14. Сухарев В.А. Психология народов и наций / В.А. Сухарев [и др.]. – Донецк: Сталкер, 1997. – 400 с.